

Цинь Юань проводил Лань Юйчжи на третий этаж.

В гостевой комнате в центре стоял деревянный стол, по обе стороны от него — стулья. Вдоль стены тянулись книжные полки, заставленные множеством книг, в углу притаилось пианино, рядом — скрипка и флейта, а у окна примостился мольберт.

Лань Юйчжи бегло окинул взглядом обстановку. Даже гений не смог бы освоить столько всего под гнетом такой колоссальной и хаотичной учебной нагрузки. Семья Цинь — это просто отвратительное пренебрежение.

Поставив бумажный пакет, Лань Юйчжи достал чай с молоком и несколько видов сладостей: печенье, моти. Развернув их, он обратился к подростку, стоявшему поодаль:

— Говорят, эти десерты весьма неплохи. Не знаю, придутся ли они тебе по вкусу?

Цинь Юань подошел ближе, и мужчина мягко усадил его на стул.

Раньше, сидя здесь, он чувствовал лишь раздражение. Стол всегда был завален учебниками, которые он не мог понять, бесконечными тестами. Учителя стояли над душой, вещая на непонятном немецком или французском, объясняя технику живописи, которой он не владел, заставляя играть на инструментах, к которым он никогда не прикасался, и навязывая навыки светского общения, о которых он и не слышал.

Он улавливал лишь крупинцы смысла. Учителя либо с досадой повторяли материал, либо вздыхали, советуя больше практиковаться, либо становились еще строже. Лишь учительница английского, госпожа Лю, была очень добра, терпеливо повторяла все снова и снова. Она приходила чаще других, и за полмесяца его английский стал настолько хорош, что он мог свободно общаться. Но, несмотря на это, непонятно почему, в отчетах дворецкому она называла его успехи ничтожными, что лишь сильнее подрывало его уверенность.

Но сейчас на этом столе стояли совсем неуместные здесь сладости, а рядом сидел Лань Юйчжи, чьи глаза светились теплой улыбкой.

Цинь Юань сделал глоток чая, раздув щеки. Это казалось чем-то невероятным: раньше, когда дворецкий приносил учителям чай, ему доставался лишь горький, как полынь, черный чай.

Во рту было сладко. В отличном настроении Цинь Юань позвал систему 888: Смотри, мой будущий парень такой заботливый! Чай в семье Цинь просто невыносимо пить!

888, увидев Лань Юйчжи, почувствовало безнадежность. В последнее время носитель справлялся неплохо, то и дело подкалывая главного героя, и система даже готова была аплодировать после недавней вспышки, но теперь появился Лань Юйчжи.

Разве у носителя останутся мысли о сюжете? Скорее уж он разнесет этот сюжет в пух и прах!

Цинь Юань не обратил внимания на молчание системы.

— Почему ты пришел сюда? — с любопытством спросил он.

— Услышал, что семья Цинь ищет учителей для своего младшего господина, вот и решил прийти.

— Тогда ты, должно быть, слышал... что они говорят обо мне...

— Что именно? — перебил его Лань Юйчжи. Его взгляд невольно задержался на губах подростка, влажных от чая, и в глазах мужчины потемнело.

Цинь Юань дернул бровями и невольно отстранился.

— Ну... говорят, что я ни на что не годен, что я не сравнюсь с...

— Нет, — отрезал Лань Юйчжи. — Я ничего такого не слышал. Я верю только тому, что вижу сам — передо мной очень милый мальчик Юань-Юань.

Щеки Цинь Юаня вспыхнули:

— Оу...

Горящий взгляд Лань Юйчжи не покидал его лица. Поняв что-то, Цинь Юань отставил чай и вскочил:

— Я ведь еще не налил тебе чаю! Подожди меня.

Подросток поспешно скрылся, а Лань Юйчжи коснулся своих губ: такой пронизательный и в то же время такой наивный.

Он и не догадывался, что Цинь Юань, возвращаясь с чашкой черного чая, победно шептал системе: Ой, он постоянно меня хвалит, даже неловко как-то.

888: ...

— Спасибо, Юань-Юань, — Лань Юйчжи принял чашку.

— Не за что, это пустяки. — Цинь Юань смущенно опустил глаза. Это обращение звучало непривычно, но приятно — после того как мама Цинь ушла, его никто так не называл. Словно привет из далекого детства. — Только этот чай... он горький.

Лань Юйчжи улыбнулся, отпил глоток и слегка нахмурился:

— И правда, очень горький.

Он так и знал! Это просто гадость!

Цинь Юань тоже нахмурился, словно сам почувствовал эту горечь. Увидев на столе свой чай с молоком, он поспешно протянул его мужчине:

— Попробуй это, он очень сладкий, перебьет вкус.

Улыбка Лань Юйчжи стала еще шире. Хотя он и добивался именно этого, равнодушие семьи Цинь к подростку вызывало у него раздражение и... щемящую жалость.

Такой послушный ребенок, но никто не уважает его предпочтения.

Не принимая чашку из рук подростка, мужчина наклонился и припал губами к трубочке.

В окно ворвался легкий ветерок, шевеля волосы мужчины. Цинь Юань закусил губу. Лань Юйчжи не казался человеком, который так легко позволяет себе подобные вольности...

Рука, сжимавшая чашку, словно начала гореть, пальцы невольно подогнулись.

Лань Юйчжи выпрямился, заметив, как кончики ушей подростка окрасились в нежный розовый цвет. Сглотнув, он тихо произнес:

— Спасибо, Юань-Юань. Очень сладко.

Глядя на его влажные губы, Цинь Юань невольно облизнул свои.

Косвенный поцелуй с красавчиком!

Дыхание Лань Юйчжи на мгновение перехватило, но он сделал вид, что ничего не произошло, и отвел взгляд.

— Хочешь еще? — тихо спросил Цинь Юань.

Лань Юйчжи постарался выровнять дыхание, хотя сердце все еще колотилось, и покачал головой:

— Тебе самому нравится?

— Угу! — Цинь Юань энергично закивал.

Настоящий ребенок, любит сладкое.

Лань Юйчжи усмехнулся:

— Хочешь, я буду приносить тебе его каждый день?

Подросток широко распахнул свои персиковые глаза, словно спрашивая: правда?

Лань Юйчжи пододвинул сладости ближе к нему, начал собирать со стола разбросанные тесты и бумаги, непринужденно болтая:

— Уроки — это скучно, нужно же себя радовать. Чередовать труд и отдых необходимо, иначе я тоже буду быстро уставать.

Правда?

Цинь Юань, видя, как он убирается, смутился и хотел помочь, но Лань Юйчжи мягко отказал.

— Ты не против, если я взгляну на твои тесты? — он помахал стопкой бумаг.

А... Цинь Юань заколебался. Все тесты были сделаны ужасно, ему казалось, что он лишь оскорбит взгляд Лань Юйчжи, но...

В глубоких глазах мужчины отражался он сам — взгляд был полон нежности и непоколебимой уверенности. Цинь Юань кивнул.

— Тогда ты помоги мне оценить эти десерты, а я займусь бумагами. Договорились? — предложил Лань Юйчжи.

Цинь Юань снова кивнул.

В импровизированном кабинете воцарилась тишина. Белые занавески колыхались на ветру, дневной свет проникал в комнату, придавая предметам и людям мягкие, размытые очертания.

За широким столом справа сидел подросток. Его яркие, как алмазы, глаза сияли, он неспешно жевал печенье, и время от времени раздавался хруст. Он то и дело поглядывал на соседа, боясь помешать.

Слева сидел мужчина, чьи черты лица дышали благородством. Иногда он поворачивался к подростку и улыбался, показывая, что тот ему не мешает, или просто успокаивая его.

Бегло просмотрев бумаги, Лань Юйчжи понял: в искусстве, музыке и живописи подросток действительно был не силен, но за полмесяца достичь такого уровня — это свидетельство огромного усердия. Внешние оценки были слишком поверхностны.

Светские дисциплины, вроде гольфа или стрельбы, давались ему хуже, но основы английского, математики и литературы были на высоте. Трудности возникали лишь с языками, к которым он раньше не прикасался.

Во всем этом сквозило пренебрежение, холод и намеренное издевательство семьи Цинь. Чья это была затея? Это не обучение, это уничтожение! Ради презентации через месяц? Смешно! К тому же, такие навыки невозможно привить подобным методом.

Если бы он взялся за его воспитание, он бы выбрал на конюшне Лань самую послушную лошадь, научил бы его держать клюшку, подобрал бы экипировку... Искусство? Коллекции семьи Лань были бы открыты для него. Языки? Они могли бы жить в любой стране мира.

Если есть власть и деньги, можно создать для него идеальный мир. Если есть власть, то искусство и драгоценности становятся такой же естественной частью жизни, как дыхание — зачем их изучать как повинность?

Но сейчас...

Лань Юйчжи отложил бумаги:

— Меня наняли учить тебя математике. Но, если честно, я больше преуспел в другом.

Цинь Юань перестал жевать, склонил голову, и в его черных глазах застыл немой вопрос.

— Можно я буду учить тебя тому, что умею лучше всего?

Хотя это был вопрос, Лань Юйчжи уже знал, что Цинь Юань не откажет.

Чувствительность подростка к цифрам радовала его. Усилия госпожи Лю тоже дали плоды.

Как человеку, который двадцать семь лет держит в руках фондовый рынок страны А и фактически управляет кланом Лань, ему не нужны были ни искусство, ни бесполезные светские навыки, ни статус младшего господина Цинь.

Если Цинь Юань захочет, он станет своей собственной опорой, фигурой, недостижимой для семьи Цинь. А если не захочет — тогда он сам, Лань Юйчжи, и весь клан Лань станут для него надежной защитой. Пусть он просто будет счастлив, как и хотел.

Лань Юйчжи вздохнул про себя. Если бы можно было, он хотел бы, чтобы мальчик полагался только на него, но стопка бумаг на столе говорила о том, что Цинь Юань тоже жаждет доказать свою состоятельность.

Родители не дали ему чувства безопасности, и он решил пробиваться сам? Что ж, это тоже неплохо. Лань Юйчжи смотрел на светлую улыбку подростка, который только что дал свое согласие.

Те, кто презирал тебя, использовали и топтали — однажды будут смотреть на тебя снизу вверх.

Те, от кого ты ждал любви и тепла, лишь все дальше отталкивают тебя.

Может быть... теперь ты сможешь безоговорочно принять меня?

<http://bllate.org/book/21339/2165445>